Мирослав Волощук
(Ивано–Франковск)

ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ 1239–1243 ГГ. НА ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РУСИ В ВЕНГРИЮ: ХРОНОЛОГИЯ, ДИНАМИКА, ДЕМОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Настоящее исследование посвящено изучению количественно–качественных показателей переселения жителей русских земель в Венгерское королевство под давлением монгольского нашествия середины XIII в. Несколько приведенных в статье примеров свидетельствуют о переселении во владения Арпадов не только представителей княжеских семейств, но и нобилитета разного ранга и статуса. Автор приходит к выводу о том, что в Венгрию бежали также крестьяне и жители городов.

Военные кампании Чингизидов в Восточной и Центральной Европе в 1235–1243 гг. вызвали огромные изменения в политическом, хозяйственном, культурном развитии поверженных и опустошенных стран, кардинально повлияв на демографическую ситуацию. Кроме того, что значительная часть населения погибла во время осады городов и крепостей; немалое количество жителей, пытаясь укрыться от угрозы, бежало с мест постоянного жительства на запад. Для средневековой культуры, психологических стереотипов населения, особенно сельской местности, резкое изменение давно обжитых земель было достаточно болезненным.

Летописные тексты, данные западных источников, а также археологический материал позволяют установить, что в период покорения Бату–ханом северных земель Руси немалое количество местных жителей, а также доселе разбитых волжских булгар бежало в южные княжества. Упоминания об этом присутствуют в сообщениях венгерского доминиканского монаха Юлиана и его братьев по Ордену, посетивших в 1236–1238 гг. Суздальское княжество и ряд соседних

земель в поисках так называемой прародины венгров – Великой Венгрии. В частности, описывая направления продвижения армии Чингизидов на первой стадии покорения земель Руси, он указывал: „Tertia autem pars contra fluvium Den (sic!) prope castrum Orgenhusin, qui est alius ducatus Ruthenorum, residebat; hoc tamen expectantes, quod sicut et ipsi Ruteni, Ungari et Bulgari, qui ante eos fuerant, viva voce nobis referebant: quod, terra fluviis et paludibus in proxima hieme congelatis, totam Rusciam toti multitudini sic facile est eis depredari, (sicut) totam terram Rutenorum"[1]. В другой части своего повествования монах зафиксировал: „Iterum dum ego remansi in curia Romana, precesserunt me ad Magnam Ungariam quatuor fratres mei, qui pertransientes per terram Sudal, in finibus regni eius occurrerunt quibusdam Ungaris paganis fugientibus a facie Tartarorum, qui libenter fidem catholicam recepissent"[2]. Таким образом, массы населения, пытавшиеся избежать участи захваченных кочевниками жителей городов, вероятно, были довольно большими, раз информация об этом попадала на страницы источников. Тяжело сказать, как далеко на юг и юго–запад зашли переселенцы в поисках новой жизни.

На этапе завоевания Бату–ханом Черниговской, Киевской, Волынской и Галицкой земель (1239–1240) беглецы, в том числе и представители княжеских семейств, пытались укрыться в соседних странах, в частности в Венгрии. Известно, что длительное время при дворе короля Белы IV (Bela, 1235–1270) пребывали бывший галицкий князь Ростислав Михайлович (около 1219 – после 1264) и галицко–волынский князь Даниил Романович (1201–1264) с сыном Львом (около 1225/29 – около 1301). Бегством на запад пытался спастись киевский правитель из рода Ольговичей – Михаил Всеволодович (1179–1246), а на границе с королевством, в Перемышле, на какое–то время остановился князь Константин из Рязани[3].

Археологический материал, выявленный в последнее время в окрестностях приграничного с польскими и венгерскими землями города Санока, представлен многочисленными предметами утвари, происходившими, с высоким процентом вероятности, из Черниговского княжества[4]. По состоянию на конец 1240 – начало 1241 гг. летописец записал со слов князя Даниила Романовича об огромных потоках беглецов, шедших в западном направлении, являвшихся фактически второй волной переселенцев после 1236–1238 гг.: „[...] множество бѣжащи҃ .

[1] „Третья ж часть [войска кочевников. – М.В.] остановилась против реки Дон возле града Оргенгусин, являющегося другим княжеством руси; русь, же, мадьяры и болгары, бежавшие от них, нам сообщили, что [монголы. – М.В.] ждут, пока в ближайшую зиму замерзнут земли, реки и болота, чтобы [потом. – М.В.] легко всю страну руси наводнить [таким образом. – М.В.] всю землю руси". См.: *Tatársky vpád*, ed. M. Richard, M. Marek, Trnava 2008, s. 41.

[2] „когда снова я оставался в Римской курии, звали меня в Великую Венгрию четверо моих братьев, прошедших через земли Суздаля, встретив на окраинах данной земли каких–то венгров–язычников, бежавших от татар, желавших с удовольствием принять католичество". Ibidem, s. 45.

[3] *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, изд. 2, Москва 2001, стб. 786–787, 793, 795.

[4] Информация по данному поводу получена от польского археолога, профессора Михала Парчевского во время участия в конференции *Przemyśl i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich X – połowa XIV w.* , проходившей в городе Перемышле (Польша) 19–20 апреля 2012 г. Выражаю ему благодарность за полученные ценные сведения.

ѿ безбожнъїх Татаръ”[5]. Некоторые из беженцев фиксировались в документальных материалах, авторами которых были монахи Ордена Францисканцев. Такие упоминания встречаем даже в саксонских источниках. Например, в письме от 1241 (1242) г.[6], составленном братьями Орденов святого Доминика и Франциска, известными только по инициалам – Р. (frater R. de ordine Preadicatorum) и Й. (frater J. de ordine fratrum Minorum), указывалось, в частности, что: „Plurimas terras vastaverunt [...] Rionam (Kiouam) civatatem; et castrum, quod erat ibi, destructum est, multis interfectis. Narraverunt nobis profugi de terra illa, in Saxonia praecipue, quod terram illiam cum castris triginta et duabus machinis impugnarunt. Et Ruscenos impugnaverunt viginti annis”[7].

Исследуя тенденции переселения выходцев из княжеств–земель Руси, я столкнулся с несколькими довольно репрезентативными фактами смены места жительства и службы в пользу Венгерского королевства именно под монгольским давлением, либо косвенно от него завися. Например, на страницах нескольких актов короля Белы IV от 1262 г. встречается „persona nomine Maladik/Mladik Ruthenus”, сбежавший от монголов во владения Арпадов и передавший на сохранение королю 30 марок золотом: „Maladik Rutenus ad nostram gratiam recepissemus fouendum et conseruandum; idem XXX. marcas auri, quod, de captiuitate a Tartaris aufugiens, secum apportauit [...]”[8]. Обстоятельства пленения нам неизвестны, хотя не исключено, что сам Маладик мог принимать участие в битве на реке Шайо 11 апреля 1241 г., о чем в историографии уже высказывалось мнение[9].

Согласно летописным свидетельствам[10], а также по моим собственным подсчетам на основании других видов источников, целая группа галицкого боярства во главе с князьями Даниилом Романовичем и его сыном Львом на протяжении сентября 1240 – апреля 1241 гг. постоянно находилась при дворе короля Белы IV[11]. Принимал ли кто–нибудь из них участие в битве на Шайо – нам точно неизвестно, поскольку об этом нет ни одного документального свидетельства. Однако, сугубо гипотетически, учитывая, что отношения Белы IV со Львом и его отцом во время пребывания последних в Венгрии были довольно напряженными,

[5] *Ипатьевская летопись*, стб. 787.

[6] Датировка документа вызываем сомнения. См. например: В. Матузова, *Английские средневековые источники IX–XIII вв. Текст, перевод, комментарии*, ред. В. Пашуто, Москва, 1979, с.131–158.

[7] „Множество земель было опустошено [...] город Киев и крепость, что там находилась, была разрушена, множество было убито. Нам же [братьям Орденов. – М.В.], в частности в Саксонии, сообщали беженцы с этой земли, что земля эта была атакована 32–мя [штурмовыми. – М.В.] машинами, а русь воевала двадцать лет”. См.: *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemaie et Moraviae,* v.1: *600–1253*, ed. C. J. Erben, Pragae 1855, p. 485–486. См. также: А. Стасюк, *Russia/Ruthenia на сторінках францисканських джерел XIII ст.*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in the 11th –14th centuries. Publication after 2nd International Conference*, Ivano–Frankivsk, 20–22 October 2011, ed. V. Nagirny, Kraków 2012, s. 101.

[8] „Маладик Русский, сбежав из татарского плена, принес нам 30 марок золота, которые мы [король Бела IV. – М.В.] приняли на сохранение”, см.: *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* [далее: *CDH*], t. 4, v. 3, ed. G. Fejer, Budae 1829, p. 59.

[9] M. Marek, *Cudzie etniká na stredovekom Slovensku*, Martin 2006, s. 234.

[10] *Ипатьевская летопись*, стб. 786–788.

[11] М. Волощук, *Вассальная зависимость Даниила Романовича от Белы IV (1235–1245 гг.): актуальные вопросы реконструкции русско–венгерских отношений второй четверти XIII в.,* [in:] *Specimina nova. Pars prima, Sectio mediaevalis*, v. 3, Pécs 2005, c. 101.

я не исключаю, что все–таки кто–то из бояр мог остаться в королевском войске даже после того, как сын Даниила Романовича Лев где–то в начале апреля 1241г. „[...] вышедшоу [...] изъ Оугоръ с бояры Галичкыми [...]"[12].

За свои заслуги Маладик Русский получил от венгерского короля в пожалование „terram Tornouch vocatam, in Thurucz existentem"[13]. Именно здесь был основан его род, описанный на страницах нескольких кратких очерков[14].

Другим интересным примером есть упоминание в венгерских источниках „Lve, cum duobus filiis suis Fudur scilicet et Stephano", впервые зафиксированных под 1264 г.[15] Королева Елизавета (Elisabeth, dei gracia maior Regina Hungarie ducissa de Machou et de Bosna, 1240–1290/1295) дважды подтверждала ранее полученную от дочери Белы IV – Анны „terram Borod vocatam in comitatu de Bereg sitam prope Munkaach [возможно, теперь – село Барбово, Мукачевского района, Закарпатской области, Украина. Не исключается также использование топонима „брод". – М.В.]" в 1264 и 1270 гг.[16] Таким образом, сама земля могла оказаться в руках новых хозяев после 1243/44 гг., а прежде 1247 г., пока князь Ростислав Михайлович находился в нескольких восточных комитатах королевства – Абауйваре, Саболче и Земплине[17].

Локализация упомянутого поселения проблематична. Доселе наиболее точное исследование на поле венгерской исторической географии Дёрдя Дёрффи об этом умалчивает[18]. Учитывая характер пожалования, гипотетически имевшего место между 1242–1247 гг., я предполагаю, что Лев, Федор и Степан могли принадлежать к довольно близкому окружению зятя венгерского короля – князя Ростислава в период его борьбы за галицкие земли и окончательной эмиграции во владения тестя. Ведь именно его жена Анна передала в распоряжение данным вельможам землю Бород.

Известно, что после занятия Галича в 1238 г. Даниилом Романовичем князь–изгнанник сбежал к Беле IV, а в конце 1242 – начале 1243 г. (?) на короткое время все же вернул себе утраченный престол. Однако отряды, отправленные волынскими князьями против Ростислава, вынудили его в очередной раз

[12] *Ипатьевская летопись*, стб. 789.
[13] „землю Турна [теперь – село Липтовский Трновец, округ Липтовский Микулаш, Жилинский край, Словакия. – М.В.], находящуюся в [комитате. – М.В.] Туроц", см.: *CDH,* t. 4, v. 3, p. 59.
[14] B. Varsik, *Otázky vzniku a vývinu slovenského zemianstva*, Bratislava 1988, s. 63; M. Font, *Einige Repräsentanten des Kleinadels im polnisch–ungarischen Grenzgebieten im 13 Jh. und die Zukunft ihrer Familie*, [in:] *Specimina Nova Universitatis Quinqueecclesiensis*, v. 9, Pécs 1995, s. 246–247; Eadem, *Felvidéki kisnemesek királyi szolgálatban (Adalékok 13–14. Századi társadalomtörténetünkhöz)*, [in:] *Kelet és Nyugat között. Tanulmányok Kristó Gyula tiszteletére*, szer. L. Kosta, Szeged 1995, old. 180–181; Eadem, *Przedstawiciele drobnej szlachty na pograniczu polsko–węgierskim w XIII wieku i losy ich rodzin* [in:] *Cracovia. Polonia. Europa. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Jerzemu Wyrozumskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej*, Kraków 1995, s. 434–435; М. Волощук, *Maladik Ruthenus: спроба біографічного нарису*, „Галичина: науковий і культурно–просвітній краєзнавчий часопис", 20–21, 2012, с. 352–357.
[15] „Лев с двумя своими сыновьями, а именно – Федором и Степаном". См.: *Codex diplomaticus patrius* [далее: *CDP*], t. 8, ed. E. Nagy, Budapestini 1880, p. 98, 125; *Regesta rerum stirpis Arpadianae critico–diplomatica* [далее: *RSA*], t. 2, v. 1: *(1255) 1270–1301*, ed. I. Szentpétery, Budapest 1943, p. 51. Впервые в научный оборот данный фрагмент документа ввел Михаил Грушевский (М. Грушевський, *Історія України–Руси*, т. 2, Київ 1992, с. 501).
[16] „землю, названную Бород, находящуюся неподалеку Мукачева в комитате Берег", *CDP*, t. 8, p. 98.
[17] *CDH*, t. 5, v. 1, ed. G. Fejer, Budae 1829, p. 55.
[18] Gy. Györfy, *Az Árpadkori Magyarország történeti földrajza*, K.1: *(A–Cs)*, Budapest 1966, old. 535–536.

покинуть город, причем вместе с ним отправились и некоторые местные бояре[19]. Возможно, именно исследуемые нами персоны вместе со своим сюзереном попали в монгольськую засаду: „Ростислава разогнаша Татарове . во Боркоу"[20].

Не исключено, что вместе с Ростиславом на фоне монгольского нашествия на Русь и другие страны Центральной Европы, в Венгрию попал боярин, именовавшийся Петром – в будущем отец Петра прозванного Петене (иная идентификация – Petrus filius Pethene), известного в результате выступления против короля Карла Роберта между 1315–1321 гг.[21] Именно Пётр–отец **перед** 31 августа 1245 г., при прямом участии князя Ростислава, получил во владение землю Albun (сейчас Альбинов – часть города Сечовце, округ Требишов, Кошицкого края, Словакия), что было также подтверждено Белой IV[22]. Позже эти земли унаследовал его сын Петр, утратив их в результате конфискации за измену королю, что произошло перед 10 февраля 1321 р.[23]

Наиболее оригинальным в контексте нашего исследования является известие о „possessio Vyssnyo" (Vysnou, Wysnyo, Wysnou, Wysnow, Wysnowd, Wysno, Wisna – теперь село Вишньов, округ Требишов, Кошицкого края, Словакия), известное в источниках от 1239 г., когда оно принадлежало Мишке из рода Мишки (Miscouc, de genere Miscouc)[24], который, очевидно, приходился родственником венгерскому военачальнику, после 1241–1245 гг. – бану Филе[25]. Сам вельможа, неоднократно участвовавший в военных событиях на Руси, был зятем одного из виднейших галицких бояр – Судислава, также владел землями на восточных границах Венгрии. Его активность в битве под Ярославом 17 августа 1245 г. была замечена летописцем. А волынский князь Даниил Романович, несмотря на все существующие в Европе и известные ему рыцарские кодексы чести, лично казнил плененного Филю[26]. Соответственно не было ничего странного в том, что в истории „possessio Vyssnyo" можно было проследить четкий русский след.

Важно то, что между 1242–1247 гг., а возможно и до 1270 г. упоминаемое поселение принадлежало зятю Белы IV – князю Ростиславу Михайловичу. В документе Стефана V (Stephanus, 1270–1272) от 1270 г. говорилось о том, что „[...] item quondam possessionem Chychywa vocatam in Comitatu Zemlen sitam in

[19] *Ипатьевская летопись*, стб. 793.
[20] Ibidem, стб. 794.
[21] См.: М. Волощук, *До питання східнослов'янського походження Петра Петуні,* „Український Історичний Журнал", 2011, 3, с. 21–35.
[22] *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae* [далее: *CDSl*], t. 2, ed. R.Marsina, Bratislava 1987, p. 131–132.
[23] *Regesta diplomatica nec non epistolaria Slovaciae* [далее: *RDSl*], t. 2, ed. V. Sedlák, Bratislava 1987, p. 284.
[24] *CDSl*, t. 2, p. 44.
[25] В частности, мы не исключаем принадлежности Фили к данному роду, поскольку в одном из документов, очевидно, именно он известен как Fila/Phila de genere Miscoz (см.: *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus* [далее: *CDAC*], v. 11, ed. G. Wenzel, Pest 1873, nr 179). Его дети – Николай и Стефан, именуемые в одном из актов от 1239 г. „similiter Oros" (см.: *CDH*, t. 4, vol. 1, ed. G. Fejer, Budae 1829, p. 158), владели землями в комитате Унг, основав несколько ответвлений рода (см.: P. Engel, *A nemesi társadalom a középkori Ung megyében*, Budapest 1998, s. 59, 169).
[26] См. например биографию Фили: М. Волощук, *„Филя древле прегордыи"/Fila Supruniensis. Маловідомі сюжети з історії Галицької землі першої половини XIII століття*, [in:] *Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича*, Львів 2011, с. 189–196 (Серия: *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність,* вип. 20).

confinio Polonie, cum villis ad ipsam pertinentibus, Hussceumezen et Wysno vocatis, simulcum utilitatibus et pertinencijs earundem, prout Dux Ratizlaus habuit et possedit [...]"[27]. Однако, уже в 1270 г., согласно решению короля, поселение перешло в руки королевского конюшего Райнольда[28]. Удерживал ли кто–то Вишню между временем переведения князя Ростислава в южные земли королевства в 1247 г. и 1270 г. – непонятно. Возможно, это село и в дальнейшем находилось среди его владений до момента смерти.

Где–то на рубеже XIII–XIV вв. „possessio Vyssnyo" перешло к Петру Петене, однако в 1306 г. он разделил его между своими слугами: „magister Petrus, filius Petri, dicti Petune, quondam possessionem suam populosam, Fuluisno vocatam, sibi soli pertinentem, in comitatu de Zemlen existentem Morkolfo, filio Kuch, servienti suo dedit"[29]. Подтверждение данного перераспределения находится в дальнейших упоминаниях о населенном пункте (1321/1322 г., до 29 мая 1323 г., 29 мая 1323 г. и после 29 мая 1323 г.) до момента его конфискации в начале 20–х гг. XIV в. в пользу короля[30]. В нашем случае наиболее важно то, что сам Ростислав до момента переезда в Славонию (1247 г.) держал село Вишню в комитате Земплен, со временем унаследованную именно сыном Петра–отца – Петром прозванным Петене, что косвенно указывает на его принадлежность к окружению князя, возможно не только в период после женитьбы на дочери короля – Анне (1242).

Ни Петра–отца сына Петра, ни самого Петра прозванного Петене в источниках никогда не называли „русскими". Это в любом случае не исключает их происхождения с Галицкой земли, поскольку местное население себя с „Русью" никогда не идентифицировало. „Русскими" жителей Галичины называли только в иностранных источниках, дабы, вероятно, избежать путаницы в персонификациях[31].

Другим фактом, косвенно подтверждающем какую–то связь между князем Ростиславом и семьей Петра–отца сына Петра, является знаменитое обращение Петра прозванного Петене к галицкому князю (Андрею или Льву) с просьбой включиться в борьбу за венгерскую корону в начале XIV в., имевшее место около 1315 г.

Король Карл Роберт в одном из актов от 2 января 1317 г. гневно писал: „Kopoz quondam palatino extranei principis et alieni domini auxilium et subsidium invocans, potenciam extraneam in regnum ipsius [Hungariae. – М.В.] introducere voluit [...]

[27] „[...] также предыдущее пожалование, прозванное Чичва, находящееся в комитате Земплин на границе с Польшей, с примыкающими к нему селами, прозванными Довгополе и Вишня, со всеми добрами и принадлежностями, коими владел князь Ростислав". См.: *CDAC*, v.12: *1274–1300*, ed. G. Wenzel, Pest 1874, nr 5; см. также: F. Uličný, *Dejiny osidlenia Užskej župy*, Prešov 1995, s. 595.

[28] *CDAC*, v. 12, nr 9.

[29] „магистр Петр сын Петра, прозванный Петене, когда–то заселенное поселение, прозванное Fuluisno [очевидно, Полвишни, тесть, какая–то часть Вишни. – М.В.], находящееся в комитате Земплин, и принадлежавшее только нам, передает своим сервиентам – Маркульфу и Кучу". См.: *RDSl,* t. 1, ed V. Sedlák, Bratislava 1980, p. 200.

[30] *CDH*, t. 8, v. 2, ed. G. Fejer, Budae 1832, s. 293; *RDSl,* t. 2, p. 422, 424.

[31] См. например обобщающие исследования по данной теме: М. Волощук, *Галицкая идентичность в XII–XIII вв.: земельный, династический и этнический аспекты* [in:] *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, вып. 1 (7): *Январь–Июнь*, Санкт–Петербург 2010, с. 167.

Petrus filius Pethena a via fidelitatis divertens, infidelibus et emulis et specialiter Kopoz quondam palatino adiungens [...]"[32]. Среди таковых были и правители regnum Ruthenorum[33], о правах которых занять венгерский престол „по кужелю" Петр мог хорошо знать и в результате ранее сложившихся отношений с Ростиславом Михайловичем.

В целом, даже поверхностный анализ письменных источников дает возможность с уверенностью утверждать, что тенденции к увеличению количества мигрантов из Руси во владения Арпадов усилились именно от середины XIII в. Моигольское нашествие и хозяйственный коллапс, постигший большинство земель Руси в связи с опустошениями, привели к некоторому оттоку населения на запад. Четко установить масштабы миграции конечно же невозможно, но на примере нескольких знатных персон, вероятно из княжеского окружения, можно констатировать, что бежали даже представители знати.

Хронологически процесс переселения жителей русских земель под натиском надвигающейся татарской опасности можно разделить на три периода. Между 1236–1238 гг. наиболее пострадали территории, подконтрольные суздальским князьям, откуда на юг бежали массы населения, что запечатлено монахом Юлианом. На протяжении 1239–1240 гг. кочевниками велось завоевание Киевской и Черниговской земель, в результате чего часть жителей двинулась дальше на запад. В 1241–1242 и даже в 1243 гг. отток населения наблюдался с Волыни и Галичины. Возвращение кочевников из Европы было таким же болезненным, как и вторжение. Безусловно, можно предположить, что некоторые семьи могли убежать в Венгрию и позже, между 1259–1260 гг., когда темник Бурундай „возыскал" Романовичей, приказав разрушить часть укреплений. Аналогично миграции могли происходить и в 80–90–х гг. XIII в., либо в 20–40–х гг. XIV в. на фоне очередных попыток кочевников организовать серию масштабных походов в Европу, на пути к которой находились земли королевства Руси. Однако имеющиеся в нашем распоряжении примеры конкретных персон, проживавших во владениях Арпадов и Анжу, не дают ни прямых, ни косвенных намеков по предмету исследования.

Сложно сказать, насколько серьезными были изменения в народонаселении, поскольку правящая династия Романовичей, после очередного установления контроля над утраченными землями, успешно продолжала хозяйственную и военную деятельность, вела строительство новых городов, возобновляла разрушенные. Рабочая сила, имевшаяся в распоряжении короля Даниила, позволяла неплохо справляться с поставленными задачами. Активизировалась торговля, были налажены торговые и дипломатические отношения с новыми партнерами, в частности – Немецким Орденом в Пруссии; одновременно имелись попытки стабилизировать восточные границы, в том числе – нередко путем открытого военного конфликта с Ордой.

[32] „Петр сын Петене, свернув с дороги верности [королю. – М.В.], присоединился к вероломным, а именно – к прежнему палатину Копосу [который. – М.В.] [...] прося помощи и поддержки в соседних государей, хотел привести в данное королевство [то есть, Венгрию. – М.В.] иностранные войска". См.: *RDSI,* t. 2, p. 84–85.
[33] Ibidem, p. 284.

*

Myroslav Voloshchuk, ***The influence of the Mongol invasion of 1239–1243 on the relocation of inhabitants of Rus' to Hungary: chronology, dynamics, demography of the problem***

This work is dedicated to the study of the quantitative and qualitative indicators of the resettlement from Rus' to the Hungarian Kingdom under the pressure of the Mongol conquest in the middle of the 13th c. Several examples presented in the article indicate the migration processes to Hungary not only of the princely families' representatives, but also of the nobility of different rank and status. The village and urban dwellers also escaped to Hungary.

*

Myroslav Voloshchuk, ***Wpływ najazdu mongolskiego w latach 1239–1243 na przesiedlenie się mieszkańców Rusi na teren Węgier. Chronologia, dynamika, demografia***

Niniejszy artykuł poświęcony jest badaniom nad ilościowymi i jakościowymi wskaźnikami przesiedlania się mieszkańców ziem ruskich na teren Królestwa Węgierskiego pod naciskiem inwazji mongolskiej w połowie XIII w. Niektóre z przykładów przywołanych w artykule świadczą o przenoszeniu się pod panowanie Arpadów nie tylko przedstawicieli rodzin książęcych, ale i szlachty o różnej randze i statusie. Autor dochodzi do wniosku, że na teren Węgier uciekali również chłopi i mieszkańcy miast.